ЛЮБОВЬ В КАДРЕ: ИСКРЕННОСТЬ ВМЕСТО ФОРМУЛ

Генеральный директор кинопрокатной компании «Про:взгляд» Татьяна Долженко — о разных измерениях нежных чувств на экране и о том, у кого из режиссеров получается говорить об этом честно

Татьяна Долженко

ПРО:ВЗГЛЯД

«Претенденты»

KINOPOISK.RU

ЕСТЬ вопрос, который я задаю себе после каждого большого фестивального сезона: когда я в последний раз видела в кино настоящую любовную историю? Не секс. Не одержимость. Не тревогу о близости, завернутую в красивую картинку. Именно любовь — ту, где двое тянутся друг к другу не потому, что им плохо порознь, а потому что вместе им лучше. Я долго не могла вспомнить. А потом поняла, что искала не там. За последние пять лет кино радикально переосмыслило, что значит снимать о любви. Привычный жанр — от немых мелодрам до голливудских ромкомов девяностых — действительно изменился до неузнаваемости. На его месте выросло что-то другое: более честное, более сложное, местами болезненное. Но, как выясняется, именно в этой честности и живет сегодня настоящее чувство.

Смерть ромкома, и что ее вызвало

Формально жанр жив. Netflix выпускает по дюжине романтических комедий в квартал: с красивыми людьми, предсказуемыми поворотами и саундтреком из лицензированных хитов. Но это не кино о любви. Это кино о том, как хочется, чтобы любовь существовала. Разница принципиальная. Классический голливудский ромком держался на одном допущении: любовь существует, она доступна каждому и единственное препятствие на пути к ней — недоразумение, которое разрешится в финале. Эта конструкция работала, пока зритель был готов в нее верить. Где-то в середине 2010-х вера кончилась. Тайминг не случаен: социальные сети превратили романтику в перформанс, дейтинг-приложения — в рынок, а движение #МеТоо поставило под вопрос ритуалы ухаживания, которые питали жанр десятилетиями. Кино не могло не отреагировать. Реакция оказалась радикальной. Серьезные режиссеры — те, за чьими фильмами следят Канны, Венеция и Берлин, — практически перестали снимать о любви как о взаимном счастье. Вместо этого возникли несколько новых моделей, которые сегодня определяют пространство интимного кино.

Желание без любви

Лука Гуаданьино сейчас один из самых влиятельных режиссеров, работающих с темой влечения. Его «Претенденты» (2024) формально выглядят как любовный треугольник, но по существу это фильм о спорте. Двое мужчин соревнуются за женщину, которая сама давно превратила отношения в тренировочный процесс. Слово «любовь» в фильме почти не звучит. Звучит «победа», «подача», «счет». Тела хотят друг друга, а что при этом происходит с душами, режиссера не интересует.

«Призрачная нить» Пола Томаса Андерсона (2017) устроена чуть иначе, но несложно провести параллели. Дэниел Дэй-Льюис играет кутюрье, который влюбляется в официантку — и немедленно начинает ее переделывать под себя. Андерсон снимает это как психологический триллер, в котором непонятно, кто жертва, а кто охотник: в финале выясняется, что героиня все это время играла по собственным правилам. Любовь здесь — взаимное подчинение, причем добровольное с обеих сторон. Это общая черта нового интимного кино: желание отделено от нежности. Тела сближаются, но сближение не всегда порождает близость — и кино честно об этом говорит. Но именно поэтому, когда нежность все-таки прорывается, это ощущается как настоящее чудо.

Йоргос Лантимос идет дальше и превращает желание в систему принуждения. В «Бедных-несчастных» (2023, «Золотой лев» Венецианского кинофестиваля и четыре премии «Оскар») женщину буквально создают для любви — и именно от этой предназначенности она в итоге сбегает. Самый парадоксальный вывод этого фильма: чтобы любить по-настоящему, нужно сначала перестать быть объектом чужой любви. Это антиромантическое кино — и одновременно одно из самых романтических высказываний последних лет.

Любовь как сделка

Шон Бейкер получил в 2024 году «Золотую пальмовую ветвь» и пять премий Оскар за «Анору» — фильм, который многие восприняли как современную «Красотку», разве что без хеппи-энда. В нем юная танцовщица стриптиза выходит замуж за сына русского олигарха. После недели иллюзий наступает реальность. Бейкер снимает фильм с нескрываемой симпатией к своей героине. Любовь здесь не невозможна: она просто существует в мире, где у всего есть цена, и это отравляет ее. Финальная сцена «Аноры» — одна из самых пронзительных именно потому, что в ней любовь все-таки прорывается, но слишком поздно. Параллельно и стриминги нащупали свою версию этой модели. Сериал «Белый лотос» показывает романтику как часть классовой механики: кто кого выбирает, определяется не сердцем, а счетом в банке и социальным весом. Когда персонажи сериала влюбляются, зритель автоматически задается вопросом: во что именно? В человека или в его возможности? Ответа нет.

Любовь к тому, кого нет

Самое неожиданное, что произошло с интимным кино за последнее десятилетие, — его стали снимать о призраках, в буквальном смысле слова. «Она» Спайка Джонза (2013, премия «Оскар» за лучший сценарий) — лента, которая в свое время казалась фантастикой, а теперь воспринимается как документ времени. Герой Хоакина Феникса влюбляется в операционную систему: голос без тела, любовь без возможности прикоснуться. Джонс снял это как трагедию не потому, что такая любовь невозможна, а потому, что она возможна вполне. Герой по-настоящему